

ДИСКУРС-АНАЛИЗ В ИССЛЕДОВАНИИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ

М. И. ПАНТЫКИНА *

Пантыкина Марина Ивановна,
доктор философских
наук, доцент, профессор
кафедры истории
и философии Тольяттинского
государственного университета

В статье представлен опыт дискурс-анализа как метода феноменолого-лингвистической интерпретации правового дискурса, в текстовой форме которого объективированы феномены индивидуального правосознания. Системность исследования достигается за счет последовательного решения взаимосвязанных вопросов. В частности, в статье предлагаются обоснование теоретико-методологических особенностей и сравнительный анализ основных направлений развития дискурс-анализа, выявляются сложности изучения индивидуального правосознания. В работе показано, что именно интенции индивидуальных правосознаний определяют содержание и форму дискурса, позиции его участников. Они трансформируют старые и порождают новые смыслы права, из которых затем складывается общее понимание правовых реалий и формируется пространство социальных практик. Автор доказывает, что лингвистический вариант дискурс-анализа является наиболее

эффективным методом изучения индивидуального правосознания, а феноменологический подход позволяет определить его как сущностную характеристику субъекта права, реализующуюся как процесс конституирования и актуализации смыслов правовых суждений. В статье сравниваются юридический и неинституализированный (обыденный) правовой дискурсы, что помогло выявить общие для них субъективированные компоненты: аттитуды, идентичность и компетентность. Кроме того, эти же компоненты применяются в качестве параметров дискурс-анализа. В работе показано, как эти компоненты обеспечивают согласование между составляющими дискурса: текстом, речевыми действиями, сознанием говорящего и слушающего, а также позволяют изучать феномены индивидуального правосознания. Результаты представленного опыта дискурс-анализа доказывают перспективность использования характерных для него приемов феноменолого-лингвистической интерпретации в изучении правовых дискурсов, в исследовании проявлений позитивности (лояльности) и деформации индивидуальных правосознаний.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурс-анализ, дискурс, индивидуальное правосознание, феноменология, конституирование, деформация правосознания, аттитюд, идентичность, семиотико-нарративная компетенция, дискурсивная компетенция.

* Marina I. Pantykina — doctor of philosophical sciences, associate professor, professor of the Department of History and Philosophy, Togliatti State University.

E-mail: pantykina@tlttsu.ru
© Пантыкина М. И., 2017

PANTYKINA M. A. DISCOURSE ANALYSIS IN THE STUDY OF THE INDIVIDUAL LEGAL CONSCIOUSNESS

The article presents an experience of the discourse analysis as a method of phenomenological and linguistic interpretation of the legal discourse. Its text form constitutes objectified phenomena of the individual legal consciousness. Systematic research is achieved by resolving interrelated issues consecutively. In particular, the article presents a justification of theoretical and methodological features and a comparative analysis of the basic development areas of the discourse analysis and reveals the complexity of studying the individual legal consciousness. The paper shows that intentions of the individual legal consciousness determine the discourse content and form, the positions of its participants. They transform the old meanings of law and generate the new ones which, in their turn, create a common understanding of legal realities and form the space of social practices. The author argues that the linguistic version of the discourse analysis is the most effective method of studying the individual legal consciousness, and the phenomenological approach enables to identify it as an essential characteristic of a legal actor implemented as a process of constitution and updating the meanings of legal judgments. The article compares the legal and ordinary legal discourses, thus identifying their common subjectified components, namely attitudes, identity and competence. In addition, the same components are used as parameters of the discourse analysis. The paper shows how these components provide the coordination between the discourse components namely a text, speech acts, consciousness of a speaker and a listener, as well as facilitate the study of the individual legal consciousness phenomena. The outcomes of the presented experience of the discourse analysis prove the prospect of using its typical methods of phenomenological and linguistic interpretation in the study of legal discourses, and in the study of manifestations of positivity (loyalty) and deformation of individual legal consciousness.

KEYWORDS: discourse analysis, discourse, individual legal consciousness, phenomenology, constitution, deformation, attitude, identity, semiotic and narrative competence, discourse competence.

Поиск методов исследования индивидуального правосознания является одной из самых сложных и наименее изученных проблем теории и философии права. Во многом это связано с тем, что имеющиеся в арсенале классической науки научные методы являются средствами рационального ограничения и редукции многообразия проявлений изучаемого предмета к «простым природам». Динамизм и непредсказуемость состояний индивидуального правосознания не поддается подобным упрощениям. Именно поэтому в большинстве имеющихся научных публикаций индивидуальное правосознание рассматривается не как самостоятельный интеллектуальный, социально-психологический и ценностный феномен, а как нечто производное от общественного или группового правосознания. Что касается достижений в области методологии изучения индивидуального правосознания, то они ограничены формационным подходом, структурно-функциональным анализом или психоанализом. Относительно эмпирических исследований можно сказать, что они преимущественно ориентированы на количественные методы. Применение качественных методов сводится к тому, что индивидуальное правосознание подвергается типизации, а ха-

рактические характеристики личности правового субъекта замещаются детерминациями группового поведения¹.

Одним из вариантов преодоления трудностей изучения индивидуального правосознания является дискурс-анализ. В последние годы правоведам все чаще обращают внимание на этот метод либо в общетеоретическом аспекте, либо как на дополнение или альтернативу классическим теоретико-методологическим программам². Вместе с тем попытки его применения к изучению индивидуального правосознания пока отсутствуют.

Дискурс-анализ: теория, методология и прагматика. Дискурс-анализ заявил о себе как о новом научно-теоретическом и прикладном направлении в начале 90-х годов XX в.³ Его популярность среди представителей социально-гуманитарного знания столь велика, что в научный обиход вошло понятие «дискурсивный поворот». Оно означает ожидание нетривиальных результатов исследований любых социальных, языковых или психических явлений, если они будут рассматриваться как структуры дискурса.

Учитывая множественность интерпретаций понятия дискурса, остановимся на определении Т. А. ван Дейка, рассматривающего это понятие в двух аспектах. В первом аспекте, или в узком смысле, термин «дискурс» обозначает завершенный или генерирующийся «продукт» коммуникативного действия, его письменный или устный результат, который интерпретируется реципиентами. Во втором аспекте, или в широком смысле, дискурс предстает как комплексное коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим (наблюдателем) в определенном временном, пространственном и прочем контексте⁴. Выявленные Т. А. ван Дейком аспекты понятия дискурса задают социологический, лингвистический и семиологический измерения предметной области дискурс-анализа.

¹ См. пример такого исследования: *Сочивко Д. В., Симакова Т. А.* Теория и методика исследования индивидуального правосознания и его инфантилизации и криминализации // *Прикладная юридическая психология*. 2015. № 2. С. 24–39.

² *Кожемякин Е. А.* Юридический дискурс как культурный феномен: структура и смыслообразование: мат-лы интернет-конференции «Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика», Барнаул, 2012. URL: http://konference.siberia-expert.com/index/kozhemjakin_2_stranica/0-8 (дата обращения: 16.07.2016); *Честнов И. Л.* Критический дискурс-анализ как метод постклассической теории права // *Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Юридические науки»*. 2014. № 1 (13). С. 67–74.

³ О причинах, философских и общенаучных предпосылках возникновения и основных этапах развития дискурс-анализа см.: *Касавин И. Т.* Дискурс-анализ и его применение в психологии // *Вопросы психологии*. 2007. № 6. С. 97–120; *Кожемякин Е. А.* Дискурсивный подход к изучению культуры // *Современный дискурс-анализ. Методология: концептуальные обоснования*. Вып. 1. Т. 1. 2009. URL: http://www.discourseanalysis.org/ada1_1.shtml (дата обращения: 17.07.2016); *Макаров М. Л.* Основы теории дискурса. М., 2003; *Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В.* Дискурс-анализ. Теория и метод. 2-е изд., испр. Харьков, 2008.

⁴ *Дейк ван Т. А.* К определению дискурса / Teun Van Dijk. *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London, 1998. URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (дата обращения: 17.07.2016).

При этом каждому из них можно поставить в соответствие отдельное направление дискурс-анализа.

Так, И. В. Троцук предлагает краткую характеристику каждого из направлений:

1) в социологическом направлении, представленном, в частности, М. Фуко, дискурс-анализ позиционируется как методика оценки возможности появления определенных объектов в поле дискурса, модальности высказываний субъекта (кто, где и о каких группах объектов может высказываться), вероятности использования конкретных концептов в высказывании, стратегий выбора тем и теорий;

2) лингвистическое направление, развиваемое, в частности, Т. А. ван Дейком, предполагает извлечение из дискурса смысловых блоков и фрагментов текста (стереотипных тематических репертуаров, обусловленных коммуникативным и культурным контекстом, а также социально-демографическими, ролевыми и личностными особенностями автора), релевантных априорно заданной исследователем ситуационной модели, их сравнение и обобщение в систему категорий, которые суммируют идеологическую позицию автора (повествовательную схему доказательства);

3) в семиологическом направлении, родоначальником которого по праву считается Р. Барт, дискурс-анализ определяется как практика применения процедур распознавания (чтения) естественного языка и анализа (дешифровки) языка мифов, которые вскрывают тесные функциональные зависимости означающего и означаемого и гарантируют знаку постоянство формы в разных вариантах реализации⁵.

Заметим, что только лингвистическому направлению дискурс-анализа свойственна мультимодальность, которая выражается в том, что дискурс-анализ исследует одновременно и коммуникативную адекватность речевых действий, и «ментальные процессы участников коммуникации: этнические, психологические, социокультурные стереотипы и установки, а также стратегии понимания и порождения речи»⁶; и повседневный личный разговор, и формальный институциональный дискурс. Разумеется, мультимодальность не исключает акцентирования, обусловленного задачами исследования и научными предпочтениями исследователя.

Специфика дискурс-анализа состоит в том, что он, во-первых, является развивающейся научно-исследовательской программой, поэтому невозможно указать окончательный перечень его теоретико-методологических оснований. Это выражается, например, в том, что даже признанные «классики» занимают по данному вопросу диаметрально противоположные позиции. Например, жесткий конструктивизм дискурс-анализа М. Фуко и Р. Харре не согласуется с релятивизмом П. Рикёра и Т. А. ван Дейка. Во-вторых, указанный метод нельзя оценивать по стандартам классической

⁵ Троцук И. В. Дискурсивное конструирование социальной реальности: концептуальные основания и эмпирические приемы разоблачения «скверных» практик // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 2. С. 207–208.

⁶ Темнова Е. В. Современные подходы к изучению дискурса // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М., 2004. Вып. 26. С. 27.

науки, поэтому Т. А. ван Дейк предлагает придать ему особый статус: «Дискурс-анализ сам не является методом, а, скорее, областью научной практики, междисциплинарным проектом, распространенным во всех гуманитарных и социальных науках»⁷. В-третьих, во всех случаях применения дискурс-анализа можно без особых обоснований использовать дополнительные методы. К их числу Т. А. ван Дейк относит такие «способы изучения структур и стратегий дискурса, как:

- грамматический (фонологический, синтаксический, лексический и семантический) анализ;
- прагматический анализ речевых и коммуникативных актов;
- риторический анализ;
- стилистический анализ;
- анализ специфики (жанровой и т. д.) структур (историй, новостей, парламентских дебатов, лекций, рекламных текстов и т. д.);
- разговорный анализ разговора;
- семиотический анализ звукового, визуального материала и других мультимодальных параметров дискурса и взаимодействия»⁸.

Насколько оправдан такой методологический плюрализм?

Во-первых, преимущество последнего состоит в том, что встроенные в дискурсивные стратегии рефлексивные механизмы заставляют исследователя быть предельно критичным к каждому этапу своей работы. Поэтому даже использование значительного количества дополняющих друг друга методов не снижает качество результатов исследования. Например, многообразие дискурсивных стратегий дает возможность изучать не только внешние, но и внутренние структуры сознания, обращаться к таким сложным социально-когнитивным практикам, как право, мораль, дискриминация, отчуждение, привязанность, солидарность и т. д.

Во-вторых, поскольку область дискурсивного исследования определяется конкретной ситуацией, частными позициями его участников (включая позицию ученого), а также множеством контекстов, которые нельзя предусмотреть в начале исследования, то методологический плюрализм дискурс-анализа помогает его последователям убедиться в ограниченных возможностях традиционных количественных методов и гипотетико-дедуктивного метода и обратиться к более гибким и релевантным задачам дискурсивного исследования методами: феноменологической дескрипции и индукций. Это придает им, как пишет И. Т. Касавин, «статус подлинных реалистов и натуралистов»⁹.

В-третьих, комбинирование методов, которое дискредитирует фундаментальные социальные исследования, в решении локальных научных

---

⁷ Дейк ван Т. А. Дискурс и доминирование // Современный дискурс-анализ. Методология: концептуальные обоснования. Вып. 1. Т. 1. 2009. URL: http://www.discourseanalysis.org/ada1_1.shtml (дата обращения: 17.07.2016).

⁸ Там же.

⁹ Касавин И. Т. Дискурс-анализ и его применение в психологии. С. 102.

задач может приводить к неожиданным эвристическим результатам¹⁰. Именно поэтому дискурс-анализ наиболее эффективен в междисциплинарных исследованиях, в которых требуется интегрировать различные смежные социальные теории, чтобы «создать карту других частей области изучения... без обозначения эссенциальной границы между дискурсивным и недискурсивным»¹¹. Итак, представленные аргументы показывают, что методологический плюрализм дискурс-анализа является скорее его достоинством, чем недостатком.

Специфика дискурс-анализа состоит еще и в «равноправии» позиций исследователя и тех, кто подвергается исследованию. Дискурсивные исследования «не нарушают права человека, которого он изучает, и которые не противоречат интересам социальных групп, с которыми он, так или иначе, связан»¹². Не случайно наиболее значительные достижения дискурс-анализа связаны с деконструкцией и критикой таких современных социальных явлений, как власть, управление сознанием, расизм, и многих других. Их результаты с успехом используются в практике социальной экспертизы, консультирования, гражданского просвещения, составления корпоративных и политических кодексов чести¹³.

Индивидуальное правосознание и конституирование права.

В классической теории права распространена точка зрения, в соответствии с которой правосознание определяется как форма общественного сознания, а индивидуальное правосознание считается его эпифеноменом. С такой трактовкой трудно согласиться. Во-первых, правовое регулирование осуществляется посредством воздействия на поведение, которое, в свою очередь, достигается корректировкой мотивов, правовых установок и ценностных ориентаций индивидуального правосознания. Во-вторых, отрицая самостоятельность индивидуального правосознания, невозможно объяснить факты совершения правовых и противоправных действий отдельными лицами, конкретных притязаний соблюдения прав и свобод человека и т. д. В-третьих, как справедливо подчеркивал И. А. Ильин, «чело-

¹⁰ С целью дополнительного подтверждения правомерности полученного вывода приведем пример описания предмета дискурс-анализа: «Рассмотрим конкретный пример. Для того чтобы с дискурс-аналитической точки зрения понять, почему конкретный человек является беженцем, мы должны понять, как такие дискурсы убежища, иммиграции, гуманитаризма, суверенитета и другие способствуют наделению понятия “беженец” определенными значениями. Чтобы понять, как эти дискурсы эволюционировали в течение времени, мы можем рассмотреть такие тексты, как мультипликационные фильмы, газетные статьи и международные конвенции. Мы должны также изучить социальный контекст — войны, природные катастрофы, судебные решения, международные соглашения, современное правительство, политические события в других странах — для того, чтобы определить степень их вовлеченности в изучаемые дискурсивные события. Это взаимодействие между текстом, дискурсом и контекстом поможет нам понять не только то, как конкретный человек стал беженцем, но и как конструируется и переживается более широкая реальность миграционной политики и процедур установления статуса беженца» (цит. по: Дейк ван Т. А. Дискурс и доминирование).

¹¹ Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2008. С. 158.

¹² Дейк ван Т. А. Дискурс и доминирование.

¹³ Там же.

веку невозможно не иметь правосознание; его имеет каждый, кто сознает, что кроме него на свете есть другие люди. Человек имеет правосознание независимо от того, знает он об этом, или не знает, дорожит этим достоинством, или относится к нему с пренебрежением. Вся жизнь человека и вся судьба его слагаются при участии правосознания и под его руководством; мало того, жить значит для человека жить правосознанием...»¹⁴.

Значимое влияние индивидуального правосознания на право объясняется тем, что, как писал Э. Гуссерль, «мы суть субъекты для этого мира, а именно, как познающие его в опыте, обдумывающие, оценивающие, целенаправленно соотносящиеся с ним Я-субъекты, для коих этот окружающий мир имеет только тот бытийный смысл, который когда-либо придали ему наш опыт, наши мысли, наши оценки и т. д., и в тех модусах значимости (бытийной достоверности, возможности, той или иной видимости и т. д.), которые мы как субъекты значимости актуально при этом осуществляем или которыми мы уже с некоторых пор обладаем как привычными приобретениями, храня их в себе как значимости того или иного содержания, которые при желании могут быть вновь актуализированы»¹⁵. Чтобы обнаружить этот феноменологический аспект исследования индивидуального правосознания, необходимо «заключить в скобки» привычные материальные формы права и сфокусировать внимание на праве как опыте правосознания, на присущем ему латентном процессе смыслообразования или конституирования. В результате применения этой мыслительной операции, называемой феноменологической редукцией, право предстает как пространство осмысленной деятельности правовых субъектов, которая в конечном счете обретает ту или иную форму фактичности¹⁶, а также является определяющей характеристикой правосознания — конституирование, благодаря которому формируются и актуализируются очевидные представления о праве.

Изменение ракурса видения права может привести и к другим не менее важным выводам. Так, в классической теории права в структуре индивидуального правосознания принято выделять следующие элементы: правовые знания (правовая осведомленность), отношение к праву (оценки, убеждения, ценностные ориентации) и правовые установки (формы когнитивной активности правового субъекта). Однако если рассмотреть индивидуальное правосознание с позиции феноменологического подхода, то данная структура превращается в познавательную условность, фиксирующую только его синхронический срез. Становится очевидным, что устойчивость структуры является частным случаем постоянных изменений состояний индивидуального правосознания. Поэтому в диахроническом аспекте индивидуальное правосознание предстает как непрерывный процесс конституирования новых и актуализации имеющихся смыслов права.

¹⁴ Ильин И. А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 20.

¹⁵ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная философия. Введение в феноменологическую философию. СПб., 2004. С. 145.

¹⁶ См. подробнее: Пантыкина М. И. Конституирование права как процесс его смыслообразования // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 2. С. 25–30.

Подчеркнем, что признание процессуальности как определяющей характеристики индивидуального правосознания основано на утверждении правового субъекта как исходной точки любых суждений о праве, т. е. таких суждений о праве, в которых «люди будут описаны не только как проводники и носители процессов, но и как силы их возобновления, реализации, нарастания»¹⁷.

Еще одно из возможных объяснений процессуальности индивидуального правосознания было предложено А. Бергсоном, который утверждал, что зачастую упускается из виду очевидное — «состояния сознания суть процессы, а не вещи»¹⁸, и для них характерны последовательная одновременность и переживание интервалов. Иными словами, сознанию присуща длительность, т. е. темпоральность, непрерывность и взаимопроникновение состояний сознания, обеспечивающая синтез прошлого и настоящего. Поскольку длительность пронизывает сознание, то, наделяя вещи смыслом, люди сообщают им длительность времени. В результате реальность (жизнь, в терминологии А. Бергсона) предстает как порыв, поток, непрерывность, целостность, воплощение, развитие, сфера непредвиденного и неповторимого.

Заметим, что в конституировании возможны и «сбои». Пример такого «сбоя» описал Г. Гуссерль: «Бытию нормы (с предметной стороны) соответствует (со стороны субъекта) образ-мысли-пребывающий-в-доверии норме (in-Norm-Getreuer-Gesinnung-verharren). Распад воли к подобному образу мыслей членов правовой общности... лишает право силы. Но это равно указывало бы и на распад самого лица, который оставляет правовой образ мысли»¹⁹. Очевидно, что подобный «сбой» произведен от ментальных установок, которые правовой субъект определяет для себя как ценностные ориентиры. Последние начинают выполнять функцию исходных данностей, не предполагающих рефлексии. В результате процесс смыслообразования приостанавливается, а индивидуальное правосознание приобретает те или иные формы деформации, которые Г. Гуссерль диагностировал как «распад воли».

Основная причина подобных «сбоев» состоит том, что в индивидуальном правосознании конституируются предметности различного рода. Предметные образования низшего уровня формируются актами пассивного синтеза — простым восприятием заранее данной вещи и ассоциациями. К ним относятся предметы, лишённые какого-либо духовного или культурного характера, но узнаваемые в качестве привычных предметов. Продуктами пассивного синтеза правосознания можно считать субъективные мнения, обыденные представления, верования и некоторые теоретические утверждения. Именно им свойственны конститутивные процессы, выражаемые в метафорах «Я могу» и «Я могу вновь и вновь». Примером

¹⁷ Кемеров В. Е. Концепция радикальной социальности // Вопросы философии. 1999. № 7. С. 10.

¹⁸ Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память // Бергсон А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1992. С. 135.

¹⁹ Гуссерль Г. Право и мир // Правоведение. 2015. № 3. С. 163.

результата пассивного синтеза может быть правовая привычка «быть крепостным», исследованию которой посвящена статья Г. А. Гаджиева²⁰.

Однако пассивный уровень мыслительной деятельности, как утверждал Э. Гуссерль, включен в универсальную форму временности, непрерывно вбирающей в себя переживания новых и новых предметностей²¹. Поэтому «сбои» пассивного синтеза с необходимостью разрешаются в продуктах активного синтеза — в новых категориях, выводах, идеальных объектах, связанных с образованием смыслового ядра и выделением наиболее существенных характеристик предмета. В своем единстве пассивный и активный синтезы правосознания гарантируют синхронизацию объективных форм права и смыслового поля сознания индивида и реализуются в так называемой правовой «вменяемости» индивида.

Итак, представленных рассуждений о сущности индивидуального правосознания, кажется, вполне достаточно, чтобы утверждать, что его исследование требует тщательного подбора методологического инструментария, позволяющего, с одной стороны, сохранить строгую рациональность феноменологии, а с другой стороны — обратиться к изучению такого проявления индивидуального правосознания, как дискурс.

Пояснения к применению дискурс-анализа к исследованию индивидуального правосознания. Сложность исследования индивидуального правосознания состоит в том, что его можно изучать только опосредованно, анализируя действия, высказывания индивидуального правового субъекта, интерпретируя создаваемые им тексты. Все эти формы объективации входят в объем понятия дискурса, а следовательно, могут быть предметом дискурс-анализа. При этом если дискурс фиксирует изменения, происходящие в правосознании, «улавливая» нюансы конституирования правовых смыслов, то дискурс-анализ позволяет их выявить и исследовать.

Важно проводить различия между собственно юридическим институциональным дискурсом и непрофессиональными (обычными) высказываниями о праве. Особенности юридического дискурса определяются, с одной стороны, целями права, лежащими за пределами конкретного дискурса, а с другой — процедурами юридической техники, вмененными каждому юристу вследствие полученного специального образования и социального статуса. Что касается первого основания юридического дискурса — трансцендентности, то она связана с тем, что с его помощью в каждой конкретной правовой коллизии восстанавливается баланс между предназначением и средствами права, а именно между тем, что право должно создавать условия для самореализации каждого человека, и тем, что эти условия можно создать лишь средствами нормативного ограничения его притязаний. Это противоречие несет в себе смысловое на-

²⁰ Гаджиев Г. А. Русская философия права В. В. Бибихина // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4. СПб., 2012. С. 24–26.

²¹ Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 1998. URL: http://philosophy.ru/library/husserl/kartesiansche_meditationen.html_Toc35695651 (дата обращения: 18.07.2016).

пряжение такой разрушительной силы, которое вряд ли удавалось бы сдерживать без связи юридического дискурса с религиозно-этическими основаниями правопорядка.

Интересный опыт «археологии» юридического дискурса, объясняющий трансцендентность его оснований, представлен в работе Дж. Агамбена «*Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь*». В ней автор анализирует формулу *homo sacer* архаического периода римского права на материале древних и современных источников. Парадоксальная амбивалентность этой формулы заставляет Дж. Агамбена искать истории, в которых бы оба значения понятия *sacer* (священный и отверженный) уравнивались. В результате выясняется, что в древних религиозных текстах *homo sacer* трактуется как проклятый святой или преступник, посвященный богам подземелья. Для богов, которым принято поклоняться, он суть ничто, «кукла», форма исключения из правила. Поэтому *homo sacer* нельзя принести в жертву, но можно безнаказанно убить. После того как эта религиозная формула была перенесена в уголовное право, появляются повествования с другими ее интерпретациями. Например, в историях, описанных в Законах XII таблиц и «Сатурналиях» Макробия, формула *homo sacer* утверждает законность насилия и безнаказанность убийства в случае суверенного решения. В итоге, как пишет Дж. Агамбен, эта формула, дополняясь другими юридическими формулами, создала идеологические условия конституирования области политического, в которой и по сей день сливаются воедино жертвоприношение и убийство. А «областью суверенного решения следует считать ту область, в которой можно совершить убийство, не совершая при этом преступления, но и не осуществляя жертвоприношения; тем самым *vita sacra*, то есть жизнь, можно отобрать, просто убив...»²².

Вторая особенность юридического дискурса обусловлена спецификой юридического языка и мышления, сформированной юридической техникой. В частности, для достижения легитимности своих высказываний юристы используют формально-логические правила и профессиональные речевые средства. К ним относятся «систематическое использование изъявительного наклонения при формулировке норм; употребление глаголов в значении констатации в третьем лице единственного числа настоящего или совершенного вида прошедшего времени (“принимает”, “признает”, “заявил” и т. д.), свойственное риторике официального констатирования и протокола; использование неопределенных местоимений (“каждый осужденный...”) и вневременного настоящего (или будущего юридического), призванных выражать всеобщий и вневременной характер закона; ссылка на транссубъективные ценности, предполагающие наличие этического консенсуса (например, “как хороший отец семейства”); применение лапидарных формул и устойчивых выражений, не оставляющих простора для индивидуальных вариаций»²³.

²² Агамбен Дж. *Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. М., 2011. С. 108.

²³ Бурдые П. *Социальное пространство: поля и практики*. М.; СПб., 2005. С. 82.

Разумеется, как и любой род профессиональной деятельности, работа юристов сопряжена с необходимостью оперировать специальными терминами, формулами и стилями. Однако только юридическую профессию отличает жесткая регламентация ритуализированного дискурса. Правовой субъект, желающий заявить о правах или создать для себя обязанности (т. е. стать дееспособным по существу), не всегда может достигнуть поставленной цели в силу того, что по различным причинам он может быть исключен из ритуализированного дискурса. Можно ли считать эту вынужденную «немоту» правового субъекта основанием признания его недееспособности? Поскольку ритуализированный дискурс ситуативен, то исключение из его пространства не может иметь столь серьезные последствия. Однако опыт правовой жизни показывает, что именно страх «остаться вне закона» вынуждает прибегать к услугам нотариусов, адвокатов, следователей и других уполномоченных лиц. При этом, обращаясь к ним, заявитель невольно использует канцеляризмы, которые зачастую только затрудняют понимание существа дела.

Между тем юридический дискурс, если его сознательно не фетишизировать, является удобным и эффективным инструментом выражения норм, правил, дефиниций, решений, а также свидетельством сформированности профессионального мышления. Технические средства оформления юридического дискурса сами по себе не служат отчуждению правового субъекта. Наоборот, их семантика и грамматическая структура могут корректироваться в соответствии с условиями конкретной юридической ситуации и притязаниями правовой личности.

Что касается неинституализированного (обычного) дискурса, то он непосредственно связан с «биографией» правовой личности. Именно поэтому его можно назвать нарративным правовым дискурсом. Его исследования активно развиваются в рамках нарративной юриспруденции²⁴, исходящей из допущения о том, что если в процессе коммуникации постоянно возникает напряженность и ее разрешение достигается в виде соглашения, то это указывает на наличие устойчивых моделей, схем и правил повествовательного дискурса. Задача нарративной юриспруденции состоит в том, чтобы их выявить, а затем операционализировать. Предметом нарративного дискурса о праве могут быть как древние артефакты, так и современные правовые тексты, как истории, возникающие в работе юристов-практиков, так и повествования их клиентов, как свидетельства истории юридического образования, так и произведения массовой культуры (судебные ток-шоу, моральные истории, детективы, боевики и т. д.)²⁵. К особенностям такого дискурса относятся интерсубъективность, т. е. способность образовывать связи между всеми участниками правовой

---

²⁴ *Самохина Е. Г.* Право и нарратив. Предисловие к лекции Дж. Элкинса «В чем суть нарративной юриспруденции?» // Правоведение. 2011. № 6; *Кравиц В.* Нарративная юриспруденция или теория правовой коммуникации? Размышления о феноменологии повествования права // Там же. 2012. № 1; и др.

²⁵ *Элкинс Дж. Р.* В чем суть нарративной юриспруденции? // Там же. 2011. № 6. С. 201–202.

коммуникации; «бриколажность», т. е. произвольное использование значений понятий и символов, имеющих в данной ситуации «под рукой»; а также эмерджентность или непредсказуемость семантических «поворотов» дискурса, обусловленная тем, что «эмерджентные смыслы несут на себе следы прошлого опыта использующего слово человека и нагружены лексически не выразимыми смысловыми импликациями»²⁶.

Отмечая различия между юридическим дискурсом и неинституализированным правовым дискурсом, следует выделить объединяющее их основание — субъективированные элементы, формируемые индивидуальным правосознанием. К ним, с нашей точки зрения, следует отнести аттитуды, идентичность и компетентность. Поясним данное утверждение, используя процессуальную логику описания индивидуального правосознания. На первом этапе в нем формуруются основания порождения дискурса (аттитуды), затем, в результате расширения когнитивного горизонта, утверждается (или отрицается) тождественность со структурами внешнего мира (идентичность), и, наконец, в речевом акте обнаруживается «знание дела» (дискурсивная компетентность). В своей совокупности они обеспечивают согласование между составляющими дискурса — текстом, речевыми действиями, сознанием говорящего и слушающего.

Опыт дискурс-анализа в исследовании индивидуального правосознания. Прежде чем обратиться к дискурс-анализу индивидуального правосознания, еще раз уточним, что в данной статье для исследования выбраны только те его элементы, которые релевантны субъективированным компонентам дискурса, а именно аттитуды, идентичность, компетентность.

Что касается первого элемента — аттитуда, то он включает в себя множество ментальных явлений²⁷, поэтому невозможно найти однозначную трактовку понятия аттитуда²⁸. Единственное, в чем солидарны его исследователи, — это в том, что аттитуды возникают в коммуникативном пространстве и характеризуют опыт конкретного сознания, или Самость. Как писал Д. Деннет, Самость возникает в результате постоянного внутреннего диалога субъекта. В процессе проговаривания историй или утверждений о своей самости субъект неявно убеждает себя принять соответствующее устройство своего сознания. Для обозначения этого принципа Деннет вводит понятие Центра нарративной гравитации — воображаемого предмета, обозначающего предполагаемого агента постоянных рассказов субъекта о самом себе — его нарративов²⁹. При этом различные аттитуды,

²⁶ Смирнова Н. М. Социальная феноменология в изучении современного общества. М., 2009. С. 280.

²⁷ Девяткин А. А. Явление социальной установки в психологии XX века. Калининград, 1999. С. 13–20.

²⁸ Примем в качестве рабочего следующее определение: «Аттитюд — это устойчивая интенциональная установка, оказывающая влияние на восприятие индивидом предмета или ситуации, их оценку и реализующаяся в вербальных или невербальных действиях».

²⁹ Деннет Д. Почему каждый из нас является новеллистом // Юлина Н. С. Головоломки проблемы сознания. Концепция Дэниела Деннета. М., 2004. С. 210–211.

например, такие как знания, ситуативно-специфические ожидания, личностные характеристики, выполняют функцию отсылки к их основаниям. Аттitudes активизируют негативные или позитивные элементы индивидуального правосознания и определяют степень его «лояльности», которую Е. А. Белканов определяет как «1) степень положительности отношения личности к нормативным предписаниям, 2) готовность к их реализации в собственном поведении, 3) готовность к защите своих прав и 4) готовность к участию в социальном контроле»³⁰.

Рассмотрим пример правового дискурса, который позволит проиллюстрировать attitudes его участников. Для этого воспользуемся текстом выступления В. Б. Исакова, посвященного дискуссии о переименовании российского государства (1991). Как известно, впервые новое название «Российская Федерация» было официально употреблено в «Соглашении о создании Содружества независимых государств», подписанном 8 декабря 1991 г. Верховный Совет России, вынужденный как-то реагировать на президентскую самодеятельность, в Послании «О ратификации Соглашения о создании Содружества независимых государств» от 12 декабря 1991 г. подтвердил, что Соглашение было заключено Российской Федерацией (РСФСР)³¹. Вскоре эта формула была повторена в Алма-Атинской декларации стран СНГ.

Дискурсивный «сценарий» обсуждения вопроса о переименовании государства на заседании Верховного Совета России бывший народный депутат РСФСР В. Б. Исаков изложил следующим образом: «Знал бы, что из этого выйдет — сидел бы дома и никуда не совался (1). А вышло вот что: при ратификации алма-атинского соглашения дернула меня нелегкая выйти к микрофону и задать вопрос Президенту РСФСР: “(2)³² Уважаемый Борис Николаевич! (3) Согласно Конституции, наше государство называется Российской Советской Федеративной Социалистической республикой. (4) Вы избирались на должность в качестве Президента РСФСР. (5) Именно в этом качестве приняли президентскую присягу, в которой поклялись соблюдать Конституцию РСФСР и российские законы. (6) Скажите, пожалуйста, на каком основании вы изменили конституционное название государства и назвали себя Президентом Российской Федерации, а конституционное название приводите в скобках? (7) Кто принял такое решение?”

Повисла неловкая пауза. Неожиданно в разговор включился Р. И. Хасбулатов: “(8) Борис Николаевич! Прошу прощения. Может быть, мы сейчас, прежде чем Президент ответит на этот вопрос, изменим название? (9) Ставлю на голосование...”. Замечание о том, что вопрос носит конституционный характер и может быть решен лишь на Съезде народных депутатов, было с ходу отмечено: (10) “Никаких проблем! Поименное го-

³⁰ Белканов Е. А. Лояльность правосознания // Российский юридический журнал. 1996. № 3. С. 79.

³¹ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 51. С. 1798.

³² Введенная нумерация предложений будет использована далее в дискурсивном анализе этого текста.

лосование, минута — принято!». Жидкие аплодисменты. (11) Хасбулатов сам, кажется, был ошеломлен своей победой. (12) Вечером в интервью компании Си-эн-эн Президент РСФСР оповестил о переименовании республики весь цивилизованный мир»³³.

Как можно охарактеризовать аттитюды участников обсуждения? Аттитюд В. Б. Исакова можно определить как диссонанс³⁴, возникший в результате сопоставления требований действующей Конституции РСФСР, формальных процедур переименования государства с «правотворческими инициативами» Б. Н. Ельцина и его сторонников. Одновременно с этим аттитюд В. Б. Исакова содержит интеллектуальную и волевую готовность восстановить законность. На предложенные им аргументы по существу и призывы перенести обсуждение в правовое пространство Б. Н. Ельцин отвечает молчанием, а Р. И. Хасбулатов производит подмену заданного В. Б. Исаковым юридического дискурса дискурсом с аргументами конъюнктива. Поэтому аттитюды этих политических деятелей можно охарактеризовать как стремление к обструкции, которая реализовалась в том, что обсуждение в конечном счете приобрело форму незаконченной (или неподдержанной) дискуссии.

Следующей составляющей индивидуального правосознания, которая также может быть исследована средствами дискурс-анализа, является идентичность. В отличие от традиционного представления идентичности как отождествления части с целым выделим два ее взаимосвязанных аспекта: идентичность как тождество и идентичность как индивидуальность. Действительно, с одной стороны, «процесс идентичности теряет всякий смысл, если не обеспечивает индивиду ощущение тождества индивидуального я-образа и группового мы-образа»³⁵. А с другой стороны, идентичность включает в себя индивидуализированное не-тождество, представляющее собой уверенность индивида в способности сохранить внутреннюю тождественность.

В дискурсе В. Б. Исакова явно доминирует первый аспект идентичности. Она была основана на вере в незыблемость советской законности и отрицании условий политической конъюнктуры, декларируемых в высказываниях Р. И. Хасбулатова. Однако возникает сомнение в прочности этой идентичности, так как ориентированная на прошлое идентичность В. Б. Исакова подкреплялась «буквой закона», но не реалиями правовой жизни того времени. Кроме того, в его высказываниях демонстрируется сознательное отчуждение от второго аспекта идентичности — самоотождественности (1).

³³ Исаков В. А платить нам // Советская Россия. 1991. 31 дек. (цит. по: Белкин А. А. Официальное наименование государства (фрагмент лекции) // Правоведение. 1995. № 3. С. 136).

³⁴ Необходимо принять во внимание профессиональные знания В. Б. Исакова в области юриспруденции и значительный опыт законотворческой работы (см. биографические сведения на информационной платформе «Википедия». URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 20.07.2016)).

³⁵ Смирнова А. Г., Киселев И. Ю. Идентичность в меняющемся мире: учеб. пособие. Ярославль, 2002. С. 11.

Дискурс Р. И. Хасбулатова также показывает кризис идентичности, выражающийся в том, что в его высказываниях не проявляется самоидентичность. Вероятно, она подавлялась аттитюдом психосоматического самосохранения. Дискурс этого политика демонстрирует лояльность к деформациям правосознания, готовность до получения поручений от Б. Н. Ельцина легализовать правовой произвол. Как видим, конкретные идентичности, описанные на основе анализа дискурса, позволяют не только охарактеризовать индивидуальные правосознания, но и образуют смысловой переход в область практических действий.

Третий элемент индивидуального правосознания, доступный для дискурс-анализа, — это дискурсивная компетентность. В силу того что понятие дискурсивной компетентности является достаточно новым, представляется возможным определить его содержание через перечень следующих отличительных признаков:

1) способность соотносить знания, опыт и личные способности с заданностью конкретной ситуации (по аналогии с кантовской способностью суждения как умения рассудка самостоятельно применять общие понятия и готовые правила в деятельности);

2) способность образовывать и понимать неограниченное число высказываний с помощью усвоенных языковых средств и правил, а также усматривать сходство или различие в их значениях;

3) способность воспринимать информацию и понимать отношение к ней других участников коммуникации.

В качестве важного уточнения понятия дискурсивной компетентности приведем выдержку из словаря А.-Ж. Греймас и Ж. Курте: «Сохраняя термин “компетенция” для обозначения совокупности условий, необходимых для производства высказывания, следует различать две автономных конфигурации этой компетенции: семиотико-нарративную и дискурсивную (в узком смысле слова). Семиотико-нарративная компетенция располагается “вверх по течению”, предшествует акту высказывания в его протекании. По Ельмслеву и по Хомскому, ее можно понимать как состоящую из таксономических и синтаксических членений (артикуляций, articulations), а не просто как парадигматику, наподобие соссюровского «языка» — (*langue*). Впрочем, в соответствии с Соссюром, ее можно рассматривать как имеющую трансцендентный статус (семиотико-нарративные формы, которые постулируются как формы универсальные, присущие всем языковым сообществам и не знающие языковых границ, сохраняются при переводе с языка на язык и выявляются также в неязыковых семиотиках). Семиотико-нарративная компетенция соответствует, таким образом, тому, что, не гонясь за точностью, можно рассматривать как формы — классификационные и протограмматические — человеческого сознания... Дискурсивная компетенция, напротив, располагается “вниз по течению”: она действует, начиная с момента акта высказывания, регулирует и моделирует дискурсивные формы высказываний-результатов»³⁶. В на-

³⁶ Греймас А.-Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка. М., 1983. С. 490.

шем понимании дискурсивная компетентность включает в себя и то, что А.-Ж. Греймас и Ж. Курте называют семиотико-нарративной компетенцией, и то, что в их терминологии определяется как дискурсивная компетенция. При этом первая компетенция отвечает за способность обращаться с «инвентарем», т.е. формами и структурами высказываний, а вторая связана с прагматическими и когнитивными дискурс-стратегиями.

Первая дискурсивная компетенция (или подкомпетенция) универсальна и обнаруживается у всех участников дискурса. Однако нас интересует не просто способность к интерактивному построению цепочек фраз-высказываний, а то, как они характеризуют особенности их правосознаний. Воспользуемся методикой М. Л. Макарова³⁷, которая предполагает последовательное изучение таких компонентов дискурса, как пропозиция, референция, экспликатура, инференция, имплектура и релевантность³⁸.

Первым в ряду индикаторов семиотико-нарративной компетенции рассмотрим пропозицию. Она предназначена для выявления истинностного значения высказывания. Входящие в ее состав семантическая константа и субъективная переменная могут быть выявлены только в отношении утвердительных высказываний. Что касается анализируемого текста, посвященного обсуждению вопроса о переименовании российского государства, то в нем семантическая структура пропозиции образована двумя общими темами (конституция, государство), одним личным местоимением (вы) и предикатами (называть, избирать, принести, поклясться, изменить). При этом только личное местоимение и связанные с ним предикаты предполагают референцию. Что касается субъективной переменной, то она явно не обнаруживается, но латентно представлена в коннотациях вопросительных и восклицательных предложений. Показательно наличие двух аспектов правосознания автора дискурса: рационального, представленного общими высказываниями, и иррационального, представленного единичными высказываниями. На их пересечении возникает комбинированная пропозиция, состоящая из терм «Борис Николаевич», «в качестве Президента РСФСР» (с экспликатурой «условно, как бы Президент»), и предикатов, обозначающих непоследовательность правовых действий («избираться и поклясться», но изменить то, относительно чего «избираться и поклясться»).

³⁷ Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М., 2003. С. 141–153, 224–242.

³⁸ В рамках данной статьи будут рассмотрены только некоторые семиотико-нарративные компоненты дискурса и только следующий фрагмент из ранее цитированного текста: «Уважаемый Борис Николаевич! Согласно Конституции, наше государство называется Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой. Вы избирались на должность в качестве Президента РСФСР. Именно в этом качестве принесли президентскую присягу, в которой поклялись соблюдать Конституцию РСФСР и российские законы. Скажите, пожалуйста, на каком основании вы изменили конституционное название государства и назвали себя Президентом Российской Федерации, а конституционное название приводите в скобках? Кто принял такое решение?» (см.: Исаков В. А платить нам // Советская Россия. 1991. 31 дек. (цит. по: Белкин А. А. Официальное наименование государства (фрагмент лекции) // Правоведение. 1995. № 3. С. 136)).

Пропозиция семиотико-нарративной компетенции В. Б. Исакова непосредственно связана с ее импликатурой³⁹, которая обнаруживается в его высказываниях о нарушении процедуры переименования государства. Она фиксирует имплицитный сигнал о латентном изменении статуса президентства и формировании новой системы властных полномочий. Последующее описание высказываний и действий Р. И. Хасбулатова, Б. Н. Ельцина служит дополнительным аргументом этого предположения.

Следующий индикатор семиотико-нарративной компетенции В. В. Исакова — референция. Она служит для установления связи именных выражений с объектами действительности. С одной стороны, наличие таких связей в анализируемом тексте очевидно и не требует особых пояснений. Но, с другой стороны, обнаруживается принципиальное смысловое несоответствие между обсуждаемым названием «Российская Федерация (РСФСР)» и тем, которое будет утверждено в Конституции 1993 г., — «Российская Федерация (Россия)». Думается, что отказ от названия «Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика», в котором фиксируется тип общественно-политического устройства и экономической формации, можно назвать «мягкой революцией». В. Б. Исаков, понимая последствия подмены имен (6), вероятно, предвидел условия, в которых будет приниматься новая Конституция (1993 г.), утвердившая новое название государства.

Обращает на себя внимание такой элемент дискурса, как инференция, которую принято определять как «широкий класс когнитивных операций, в ходе которых и слушающим, и нам, интерпретаторам дискурса, лишенным непосредственного доступа к процессам порождения речи в голове или “душе” говорящего, приходится “додумывать за него”»⁴⁰. Выделяют два вида инференций — формально-логические и вероятностно-индуктивные инференции. Первые представляют собой выводы из дедуктивных умозаключений и обеспечивают логическое единство текста. Вероятностно-индуктивные инференции, характерные для прагматического дискурса, позволяют преодолеть смысловые «разрывы» за счет синтеза языковых и неязыковых знаний. Особенность вероятностно-индуктивных инференций состоит в том, что они помогают выявить неартикулируемые значения «языковых игр» путем обнаружения логических, грамматических или иных речевых «разрывов». Например, в высказываниях В. Б. Исакова обнаруживается противоречие между (6) «Скажите, пожалуйста, на каком основании вы изменили конституционное название государства и назвали себя Президентом Российской Федерации, а конституционное название приводите в скобках?» и (7) «Кто принял такое решение?». С помощью этого «разрыва» — противоречивой логической конструкции В. Б. Исаков не просто задает вопросы Б. Н. Ельцину, но обращает внимание депутатов на неоднозначность правовой ситуации, заостряет проблему субъекта ответственности.

---

³⁹ Импликатура — это значение высказывания, которое определяется не тем, что сказано, а тем, как сказано.

⁴⁰ Макаров М. Л. Основы теории дискурса. С. 124.

Итак, анализ семиотико-нарративной компетенции, обнаруженной в дискурсе В. Б. Исакова, показывает сочетание рефлексивности и скрытого конформизма его правосознания. Проверим наш вывод, обратившись к ортогонали этой компетенции — дискурсивной компетенции. Ее исследование призвано дать ответы на вопросы о том, как связаны между собой высказывания участников коммуникативного поля, «кто и как управляет ходом общения, как меняются роли говорящего и слушающего, как вводятся новые темы и как заканчиваются старые, как, какими языковыми данными можно доказать существование единиц, превосходящих высказывание, и т. д.»⁴¹. Другими словами, она является показателем того, насколько удачным был дискурсивный «сценарий», достигли ли поставленной цели предпринятые коммуникативные действия.

Дискурсивная компетенция В. Б. Исакова задается сложным коммуникативным полем. Оно образовано «линиями напряжения» между выступающим В. Б. Исаковым и молчащим Б. Н. Ельциным, Латентный конфликт, как «водопад», разбивается о «пороги» риторики Р. И. Хасбулатова и невербальной реакции народных депутатов. Проанализируем с этой точки зрения последовательность фраз-высказываний участников дискурса.

1. Начинается текст с прямого и личного обращения (2), указывающего на лицо, которое должно дать ответы на далее поставленные вопросы.

2. Основная часть дискурса В. Б. Исакова (3), (4) и (5) имеет объективную модальность и представляет факты, независимые от его автора. Они служат не только усилению правомерности последующих вопросов, но и подтверждению юридической силы высказываний говорящего. При этом логика аргументации такова: «Если Б. Н. Ельцин идентифицирует себя именно с этим, а не с каким-то иным государством, если он адекватно понимает закрепленные Конституцией РСФСР условия института президентства, включая публично данную присягу, то его власть легальна и легитимна. Если Б. Н. Ельцин идентифицирует себя с каким-то иным государством, если он пренебрегает закрепленными Конституцией РСФСР условиями института президентства, включая публично данную присягу, или неадекватно понимает их, то его власть легальна, но нелегитимна».

3. Очевидно, что В. Б. Исаков по каким-то причинам не завершил умозаключение, предоставив право сделать вывод адресату — Б. Н. Ельцину. Незаконченность этого коммуникативного хода демонстрирует доверие к президенту и ожидание того, что будут представлены доказательства истинности первой имплицативной посылки. Однако не исключено, что за этим скрывается готовность при определенных условиях пойти на ослабление юридической силы позиции автора. Противоречие между (6) и (7) косвенно подтверждает такое предположение.

4. В соответствии с замыслом В. Б. Исакова его умозаключение должно быть завершено Б. Н. Ельциным. Неловкая пауза других участников дискуссии, о которой упоминал сам автор, символизирует общие опасения

⁴¹ Там же. С. 97.

негативных политических последствий. Молчание Б. Н. Ельцина демонстрирует неготовность (нежелание) обсуждать принципиальные вопросы, нести персональную ответственность за происходящее и стремление переступить советскую законность с помощью «молчаливого большинства» в лице членов Верховного Совета.

5. Молчание Б. Н. Ельцина явилось «точкой невозврата» к прежним условиям дискурса В. Б. Исакова. Отвергнутая таким образом дискурсивная компетентность позволила Р. И. Хасбулатову завладеть стратегией дискурса. С помощью этих высказываний (8), (9) и (10) он смещает вектор юридической силы дискурса В. Б. Исакова, направленный на Б. Н. Ельцина, к членам Верховного Совета. Р. И. Хасбулатов дает понять им, что в сложившихся политических условиях изменение названия государства равнозначно ратификации рамочного соглашения стран СНГ. В соответствии со сложившейся политической конъюнктурой он предлагает пренебречь конституционно закрепленной процедурой переименования государства.

Конечно, противоправное решение членов Верховного Совета РСФСР и Съезда народных депутатов РСФСР последовательно готовилось предыдущими правовыми актами, заявлениями Президента РСФСР и его политического окружения, отсутствием полноценного надзора за исполнением Конституции и т. д. Очевидная логическая и содержательная связь между коммуникативными актами обсуждения показывает, что само решение и форма его принятия постепенно формировались в сознании его участников по мере того, как под влиянием социальных, политических и экономических трансформаций происходила деформация их индивидуальных правосознаний.

6. Высказывания (11) и (12) утверждают успешность дискурса Р. И. Хасбулатова, а реакция депутатов является свидетельством не только ослабления юридической силы Верховного Совета РСФСР и Съезда народных депутатов РСФСР, но и утраты ряда их полномочий. В итоге ответственность за переименование государства возложена на Верховный Совет РСФСР, а Президент РСФСР Б. Н. Ельцин только озвучил его решение.

Схема дискурса В. Б. Исакова может быть представлена в следующем виде: «Приветствие → Аргумент № 1 → Аргумент № 2 → Аргумент № 3 → Вопрос № 1 → Вопрос № 2». Отсутствие вывода (выводов) из аргументов делает вопросы необязательными для ответа, что свидетельствует о скрытом конформизме правосознания автора.

Что касается правосознаний других участников обсуждения переименования государства, то их можно определить как «перерожденческие». Следует подчеркнуть, что данное понятие — это не выражение субъективной оценки, принятое в теории права наименование типа деформации индивидуального правосознания наряду с правовым инфантилизмом, правовым конформизмом и правовым нигилизмом. Ему свойственно не только отрицание правовых норм, но и высокая степень рефлексивности, готовность к системной аргументации, мотивированность поступков. В отличие от правового нигилизма оно формируется вследствие утраты прежних ценностных принципов. Это предполагает, что «исходно субъект имел развитое

позитивное правосознание, ориентированное на правовые нормы, ценности и идеалы, которое затем по каким-то причинам видоизменилось до противоположного»⁴². Под влиянием внешних обстоятельств оно способно к восстановлению прежних ценностных ориентиров, но может и дальше развиваться в логике «отрицания отрицания».

В заключение подчеркнем, что в статье был представлен один из возможных вариантов применения лингвистического дискурс-анализа к исследованию индивидуального правосознания. В отличие от контент-анализа⁴³ или метода экспертных оценок⁴⁴ его отличает акцентирование внимания на семантике дискурса и различных способах интерпретации. Следуя феноменологической установке, в процессе исследования были поставлены «за скобки» объективные условия дискурса и предпринята попытка рассмотреть реализуемые посредством дискурса феномены индивидуального правосознания (аттитюды, идентичность, дискурсивная компетентность). И хотя полученные результаты далеки от завершенности, можно утверждать, что именно интенции индивидуальных правосознаний определяют сюжет и сценарий дискурса, позиции его участников. Они трансформируют старые и порождают новые смыслы права, из которых затем складывается общее понимание правовых реалий и формируется пространство социальных практик. Дискурс-анализ не только обращает внимание на необходимость изучения феноменов индивидуального правосознания. Он указывает на предметность, которая, не нарушая права человека, отрывает доступ к его феноменам. Кроме того, дискурс-анализ предоставляет неограниченные возможности для исторических, социологических, психологических исследований права и правовой культуры.

Литература

Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь М.: Европа, 2011. 256 с.

Белканов Е. А. Лояльность правосознания // Российский юридический журнал. 1996. № 3. С. 74–84.

Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память // Бергсон А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Московский клуб, 1992. 327 с.

Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетей, 2005. 576 с.

Гаджиев Г. А. Русская философия права В. В. Бибикина // Российский ежегодник теории права. № 4. 2011. СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. С. 9–34.

---

⁴² Петрулевич И. А., Михайлова О. Ю., Романенко О. А., Целиковский С. Б. Особенности правосознания и проблемы формирования гражданского общества в современной России // Теория и практика общественного развития. 2013. № 4. С. 162.

⁴³ См. пример контент-анализа: Захарова О. В. Официальный дискурс прав человека в посткоммунистической России: от либерализма к паттернализму // Общественные науки и современность. 2016. № 2. С. 82–93.

⁴⁴ См. пример метода экспертных оценок: Честнов И. Л. Состояния современной юридической науки: мнения экспертов // Там же. С. 155–163.

Греймас А.-Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка. М.: Радуга, 1983. С. 483–500.

Гуссерль Г. Право и мир // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 3. С. 153–189.

Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука: Ювента, 1998. URL: http://philosophy.ru/library/husserl/kartesianische_meditationen.html _Точ35695651 (дата обращения: 18.07.2016).

Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная философия. Введение в феноменологическую философию. СПб.: Владимир Даль, 2004. 400 с.

Девяткин А. А. Явление социальной установки в психологии XX века: Монография. Калининград: Изд-во Калининградского университета, 1999. 309 с.

Дейк, ван Т. А. Дискурс и доминирование // Современный дискурс-анализ. Методология: концептуальные обоснования. Вып. 1. Т. 1. 2009. Электронный журнал. URL: http://www.discourseanalysis.org/ada1_1.shtml (дата обращения: 17.07.2016).

Дейк, ван Т. А. К определению дискурса // Teun Van Dijk. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London, 1998. URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (дата обращения: 17.07.2016).

Деннет Д. Почему каждый из нас является новеллистом // Юлина Н. С. Головоломки проблемы сознания. Концепция Дэниела Деннета. М.: Канон+, 2004. С. 210–219.

Захарова О. В. Официальный дискурс прав человека в посткоммунистической России: от либерализма к патернализму // Общественные науки и современность. 2016. № 2. С. 82–93.

Ильин И. А. О сущности правосознания. М.: Рарогъ, 1993. 235 с.

Исаков В. А платить нам // Советская Россия. 1991. 31 дек. (цит. по: *Белкин А. А.* Официальное наименование государства (фрагмент лекции) // Правоведение. 1995. № 3. С. 118–138).

Касавин И. Т. Дискурс-анализ и его применение в психологии // Вопросы психологии. 2007. № 6. С. 97–120.

Кемеров В. Е. Концепция радикальной социальности // Вопросы философии. 1999. № 7. С. 3–13.

Кожемякин Е. А. Дискурсивный подход к изучению культуры // Современный дискурс-анализ. Методология: концептуальные обоснования. Вып. 1. Т. 1. 2009. Электронный журнал. URL: http://www.discourseanalysis.org/ada1_1.shtml (дата обращения: 17.07.2016).

Кожемякин Е. А. Юридический дискурс как культурный феномен: структура и смыслообразование: мат-лы интернет-конференции «Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика». Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2012. URL: http://konference.siberia-expert.com/index/kozhemjakin_2_stranica/0-8 (дата обращения: 16.07.2016).

Кравиц В. Нарративная юриспруденция или теория правовой коммуникации? Размышления о феноменологии повествования права // Правоведение. 2012. № 1. С. 18–32.

Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.

Пантыкина М. И. Конституирование права как процесс его смыслообразования // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 2. С. 25–30.

Петрулевич И. А., Михайлова О. Ю., Романенко О. А., Целиковский С. Б. Особенности правосознания и проблемы формирования гражданского общества в современной России // Теория и практика общественного развития. 2013. № 4. С. 159–165.

Самохина Е. Г. Право и нарратив. Предисловие к лекции Дж. Элкинса «В чем суть нарративной юриспруденции?» // Правоведение. 2011. № 6. С. 186–193.

Смирнова А. Г., Киселев И. Ю. Идентичность в меняющемся мире: учеб. пособие. Ярославль: Изд-во Ярославского государственного университета, 2002. 300 с.

Смирнова Н. М. Социальная феноменология в изучении современного общества. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009. 400 с.

Сочивко Д. В., Симакова Т. А. Теория и методика исследования индивидуального правосознания и его инфантилизации и криминализации // Прикладная юридическая психология. 2015. № 2. С. 24–39.

Темнова Е. В. Современные подходы к изучению дискурса // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 26. С. 24–32.

Троцук И. В. Дискурсивное конструирование социальной реальности: концептуальные основания и эмпирические приемы разоблачения «скверных» практик // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13, № 2. С. 206–224.

Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный Центр, 2008. 354 с.

Честнов И. Л. Критический дискурс-анализ как метод постклассической теории права // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Юридические науки». 2014. № 1 (13). С. 67–74.

Честнов И. Л. Состояние современной юридической науки: мнения экспертов // Общественные науки и современность. 2016. № 2. С. 155–163.

Элкинс Дж. Р. В чем суть нарративной юриспруденции? // Правоведение. 2011. № 6. С. 194–206.

References

Agamben G. *Homo sacer: potere sovrano e la nuda vita*. (Rus. ed.: Agamben G. *Homo sacer. Suverennaia vlast' i golaia zhizn'*. Moscow, Europe Publ., 2011. 256 p.) (Russian trans.)

Belkano E. A. Loial'nost' pravosoznaniia [Loyalty of justice]. *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal* [The Russian Legal Magazine], 1996, no. 3, pp. 74–84. (In Russian)

Bergson H. *Essai sur les données immédiates de la conscience*. Bergson H. Coll. Op. 4 vols. (Rus. ed.: Bergson H. *Opyt o neposredstvennykh dannyykh soznaniia. Materialia i pamiat'*. T. 1. Moscow, Moscow club Publ., 1992. 327 p.) (Russian trans.)

Bourdieu P. *Sociologie de l'espace social*. (Rus. ed.: Bourdieu P. *Sotsial'noe prostranstvo: polia i praktiki*. Moscow, Institute of Experimental Sociology, St. Petersburg, Aleteya Publ., 2005. 576 p.) (Russian trans.)

Chestnov I. L. Kriticheskii diskurs-analiz kak metod postklassicheskoi teorii prava [Critical discourse analysis as a method of post-classical theory of law]. *Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Ser. "Jurisprudence"*, 2014, no. 1 (13), pp. 67–74. (In Russian)

Chestnov I. L. Sostoianie sovremennoi iuridicheskoi nauki: mneniia ekspertov [The states of modern jurisprudence: expert opinion]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social studies and the present], 2016, no. 2, pp. 155–163. (In Russian)

Dennet D. [Why each of us is a novelist]. Iulina N. S. *Golovolomki problemy soznaniia. Kontseptsiiia Deniela Denneta* [Logical problem of consciousness. Concept Daniel Dennett]. Moscow, Canon + Publ., 2004, pp. 210–219. (Russian trans.)

Devyatkin A. A. *Iavlennie sotsial'noi ustanovki v psikhologii KhKh veka: Monografiia* [The phenomenon of social settings in the psychology of the twentieth century:

Monograph]. Kaliningrad, Publishing House of the Kaliningrad University, 1999. 309 p. (In Russian)

Elkins J. V chem sut' narrativnoi iurisprudentsii? [What is the law of narrative?]. *Pravovedenie [Proceedings of the higher educational institutions. Jurisprudence]*, 2011, no. 6, pp. 194–206. (Russian trans.)

Greimas A., Kurt J. *Semiotics. Explanatory Dictionary of the language of the theory*. (Rus. ed.: Greimas A., Kurt J. Semiotika. Ob"iasnitel'nyi slovar' teorii iazyka Moscow, Rainbow Publ., 1983, pp. 483–500). (Russian trans.)

Hajiyev G. A. Russkaia filosofia prava V. V. Bibikhina [Russian philosophy of law of V. V. Bibikhin]. *Rossiiskii ezhegodnik teorii prava [The Russian Yearbook of the Theory of Law]*, no. 4, 2011. St. Petersburg, LLC "University Publishing Consortium", 2012, pp. 9–34. (In Russian)

Husserl E. *Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie. Eine Einleitung in die phänomenologische Philosophie* (Rus. ed.: Gusserl' E. Krizis evropeiskikh nauk i transtsendental'naia filosofii. Vvedenie v fenomenologicheskuiu filosofiiu. St. Petersburg, Vladimir Dal, 2004. 400 p.) (Russian trans.)

Husserl E. *Kartezianskie razmyshleniia [Cartesian Meditations]*. St. Petersburg, Science: Juventa, 1998. Available at: http://philosophy.ru/library/husserl/kartesianische_meditationen.html_Toc35695651 (accessed: 18.07.2016). (In Russian)

Husserl G. Pravo i mir [Recht und Welt]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie [Proceedings of the higher educational institutions. Jurisprudence]*, 2015, no. 3, pp. 153–189. (In Russian)

Ilyin I. A. *O sushchnosti pravosoznaniia [On the essence of justice]*. Moscow, Rarog Publ., 1993. 235 p. (In Russian)

Isakov V. A. A platit' nam [And to Pay Us]. *Soviet Russia*, 1991, December 31 (Op. by: Belkin A. A. Ofitsial'noe naimenovanie gosudarstva (fragment lektsii) [The official name of the state (lecture excerpt)]. *Pravovedenie [Proceedings of the higher educational institutions. Jurisprudence]*, 1995, no. 3, pp. 118–138). (In Russian)

Karsavin I. T. Diskurs-analiz i ego primenenie v psikhologii [Discourse analysis and its application in psychology]. *Voprosy psikhologii [Questions of psychology]*, 2007, no. 6, pp. 97–120. (In Russian)

Kemerov V. E. Kontseptsii radikal'noi sotsial'nosti [Concept of Radical Social]. *Voprosy filosofii [Problems of Philosophy]*, 1999, no. 7, pp. 3–13. (In Russian)

Kozhemyakin E. A. Diskursnyi podkhod k izucheniiu kul'tury [Discursive approach to culture]. *Sovremennyi diskurs-analiz. Metodologiya: kontseptual'nye obosnovaniia [Modern discourse analysis. Methodology: conceptual study]*, vol. 1, iss. 1. 2009. Electronic Journal. Available at: http://www.discourseanalysis.org/ada1_1.shtml (accessed: 17.07.2016). (In Russian)

Kozhemyakin E. A. *Iuridicheskii diskurs kak kul'turnyi fenomen: struktura i smysloobrazovanie: mat-ly internet-konferentsii "Iurisl'ingvistika: sudebnaia lingvisticheskaiia ekspertiza, lingvokonfliktologiya, iuridiko-lingvisticheskaiia germenevtika"* [Legal discourse as a cultural phenomenon: the structure and smysloobrazovanie. Proceedings of the Internet conference "Yurisl'ingvistika: forensic linguistic examination lingvokonfliktologiya, legal and linguistic hermeneutics"]. Barnaul, Publishing House of the Altai State University, 2012. Available at: http://konferentsia.siberia-expert.com/index/kozhemjakin_2_stranica/0-8 (accessed: 07/16/2016). (In Russian)

Kravitz W. *Narrativnaia iurisprudentsiia ili teoriia pravovoi kommunikatsii? Razmyshleniia o fenomenologii povestvovaniia prava* [Narrative jurisprudence or legal theory of communication? Reflections on the phenomenology of the narrative right].

Pravovedenie [Proceedings of the higher educational institutions. Jurisprudence], 2012, no. 1, pp. 18–32. (In Russian)

Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa [Fundamentals of discourse]*. Moscow, ITDGK “Gnosis”, 2003. 280 p. (In Russian)

Pantykina M. I. Konstituirovaniye prava kak protsess ego smysloobrazovaniia [The constitution of the right to a process of meaning formation]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk [Srednerussky Gazette of Social Sciences]*, 2009, no. 2, pp. 25–30. (In Russian)

Petrulevich I. A., Mikhailova O. Yu., Romanenko O. A., Tselikovskiy S. B. Osobennosti pravosoznaniia i problemy formirovaniia grazhdanskogo obshchestva v sovremennoi Rossii [Features of justice and the problem of formation of a civil society in modern Russia]. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia [Theory and practice of social development]*, 2013, no. 4, pp. 159–165. (In Russian)

Phillips L. J., Jorgensen M. V. *Discourse analysis. The theory and method* (Rus. ed.: Fillips L. Dzh., Iorgensen M. V. Diskurs-analiz. Teoriia i metod. Kharkiv, Publishing House of the Humanities Center, 2008. 354 p.) (Russian trans.)

Samokhina E. G. Pravo i narrativ. Predislovie k lektzii Dzh. Elkinsa “V chem sut’ narrativnoi iurisprudentsii?” [Law and narrative. Introduction to lectures J. Elkins “What is the law of narrative?”]. *Pravovedenie [Proceedings of the higher educational institutions. Jurisprudence]*, 2011, no. 6, pp. 186–193. (In Russian)

Smirnov A. G., Kiselev I. Yu. *Identichnost’ v meniaiushchemsia mire: ucheb. posobie [Identity in a Changing World: A Tutorial]*. Yaroslavl, Publishing House of the Yaroslavl State University, 2002. 300 p. (In Russian)

Smirnova N. M. *Sotsial’naia fenomenologiya vizuchenii sovremennogo obshchestva [Social phenomenology is the study of modern society]*. Moscow, Canon +: ROOI “Rehabilitation”, 2009. 400 p. (In Russian)

Sochivko D. V., Simakov T. A. Teoriia i metodika issledovaniia individual’nogo pravosoznaniia i ego infantilizatsii i kriminalizatsii [Theory and methods of study of the individual and his sense of justice and criminalization infantilization]. *Prikladnaia iuridicheskaya psikhologiya [Applied legal psychology]*, 2015, no. 2, pp. 24–39. (In Russian)

Temnova E. V. [Modern approaches to the study of discourse]. *Iazyk, soznanie, kommunikatsiia: sb. statei [Language consciousness, communication: Coll. Articles]*. Eds. V. V. Red, A. I. Izotov. Moscow, MAKS Press Publ., 2004, vol. 26, pp. 24–32. (In Russian)

Trotsuk I. V. Diskursivnoe konstruirovaniye sotsial’noi real’nosti: kontseptual’nye osnovaniia i empiricheskie priemy razoblacheniia “skvernykh” praktik [Discursive construction of social reality: conceptual foundations and empirical methods of exposing “abominable” practices]. *Sotsiologicheskoe obozrenie [Sociological Review]*, 2014, vol. 13, no. 2, pp. 206–224. (In Russian)

Van Dijk T. A. By the definition of discourse. *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London, 1998. Available at: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (accessed: 17.07.2016). (Russian trans.)

Van Dijk T. A. Diskurs i dominirovaniye [Introduction: Discourse and Domination]. *Sovremennyye diskurs-analiz. Metodologiya: kontseptual’nye obosnovaniia [Modern discourse analysis. Methodology: conceptual study]*. Vol. 1. T. 1. 2009. Electronic Journal. Available at: http://www.discourseanalysis.org/ada1_1.shtml (reference date 17.07.2016) (Russian trans.)

Zakharova O. V. Ofitsial’nyi diskurs prav cheloveka v postkommunisticheskoi Rossii: ot liberalizma k paternalizmu [The official discourse of human rights in post-communist Russia, from liberalism to paternalism]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost’ [Social studies and the present]*, 2016, no. 2, pp. 82–93. (In Russian)